

Заполнение анкеты самым вербующим, как в момент вербовки, так и после, категорически запрещается.

К ли

АНКЕТА

агента, резидента, освед

Псевдоним

Олег

1. Фамилия

Сташинец

2. Имя, отчество

Богдан Ник

3. Год рожд.

1931

4. Место р

Ново-Дзигевокого р

Дзигевокого

5. Адрес

Дер. Дзигево, площ

6. Место работы и должность

Дом № 12 кв

Студент Дзигевокого

Дзигевокого енетик

7. Партия

БПарт-?

8. Нац.

9. Гражд.

СССР

10. Обра

11. Военное дело

12. Был ли на оккупированной территории, с

с 1941 по 1945 г. и

с 1941 по 1945 г. и

и иностранные языки, какие и как

Сергей Плохий

ЧЕЛОВЕК, СТРЕЛЯВШИЙ ЯДОМ

История одного шпиона
времен холодной войны

CoRpus

Захватывающая книга Сергея Плохия богата сведениями о методике работы сталинских убийц, отслеживающих врагов, — на государственном уровне.

THE WASHINGTON TIMES

Разведкорпус

Сергей Плохий

**Человек, стрелявший ядом.
История одного шпиона
времен холодной войны**

«Corpus (АСТ)»

2016

УДК 929 Сташинский Б.
ББК 63.3(2)6-8 Сташинский Б.

Плохий С.

Человек, стрелявший ядом. История одного шпиона
времен холодной войны / С. Плохий — «Corpus (ACT)»,
2016 — (Разведкорпус)

ISBN 978-5-17-102324-9

«Документальный триллер» Сергея Плохия посвящен биографии Богдана Сташинского – агента КГБ, убившего Льва Ребета и Степана Бандеру из секретного оружия и впоследствии сдавшегося западногерманской полиции. Особое внимание уделено причинам действий Сташинского, роли его жены Инге Поль и новым сведениям о его жизни после суда и тюремного срока. Сергей Плохий – профессор истории в Гарвардском университете, автор бестселлеров «Последняя империя», «Врата Европы» и «Чернобыль», лауреат нескольких престижных премий в документальном жанре: Lionel Gelber Prize, Baillie Gifford Prize, Pushkin House Prize (Лондон), а также Национальной премии Украины им. Тараса Шевченко.

УДК 929 Сташинский Б.
ББК 63.3(2)6-8 Сташинский Б.

ISBN 978-5-17-102324-9

© Плохий С., 2016
© Corpus (ACT), 2016

Содержание

Предисловие	6
Пролог	9
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Плохий
Человек, стрелявший ядом
История одного шпиона
времен холодной войны

Серия «Разведкорпус»

© Serhii Plokyh, 2016

© С. Лунин, перевод на русский язык, 2020

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Издательство CORPUS ®

* * *

Предисловие

Осенью 1961 года американские и советские танки держали друг друга на прицеле у КПП «Чарли» на границе восточного и западного Берлина у строящейся стены, Дэвид Корнуэлл, агент британской разведки и в скором будущем прославленный автор Джон ле Карре, обдумывал свой первый бестселлер «Шпион, пришедший с холода», а полиция Западной Германии допрашивала агента КГБ.

Поджарый тридцатилетний мужчина предъявил документы ГДР на имя Йозефа Леманна, но при этом дал такие показания: его зовут Богдан Сташинский, он гражданин СССР, в одиночку выследил и убил в Мюнхене двух человек. Это были лидеры украинской эмиграции, боровшиеся за независимость своей родины. Советский агент использовал новейшую секретную разработку – пистолет, который брызгал жертве в лицо жидким ядом и не оставлял никаких следов. Немалая часть карьеры Никиты Хрущева прошла на Украине, поэтому советский вождь числил этих людей среди личных врагов, а КГБ упорно пытался их ликвидировать. Яд из пистолета Сташинского поставил точку в их биографии.

Слова человека, уличившего кремлевских руководителей в организации политических убийств за рубежом, прогремели на весь мир, потрясли дипломатические круги и озадачили сотрудников специальных служб. Дело Сташинского вынудило Советский Союз переменить тактику секретной войны. Агенты внешней разведки теперь опасались ликвидировать врагов режима. Пострадал от него и Александр Шелепин – председатель КГБ, мечтавший сменить Хрущева, а затем и Брежнева у руля страны. В Западной Германии приговор убийце повлиял на процессы над преступниками Третьего рейха. Приводя в пример Сташинского, обвиняемые утверждали, что они – лишь пособники, а подлинными палачами были командиры, которые отдавали им приказы. Бундестаг в итоге внес поправки в закон и отнял у бывших гитлеровцев возможность опоры на этот прецедент.

В Соединенных Штатах за дело перебежчика взялся сенатский подкомитет. Сообщенные им сведения учла и комиссия Уоррена в ходе расследования убийства Джона Кеннеди. Многие любители конспирологии до сих пор верят, что КГБ тренировал Ли Харви Освальда в той же школе, что и Богдана Сташинского.

Биография стрелка захватила воображение западного мира. Пространная статья о нем вышла в журнале *Life*, очерк о его похождениях много раз переиздавали как раздел «Великих шпионских историй» Аллена Даллеса, бывшего директора ЦРУ. В последнем романе Яна Флеминга – «Человек с золотым пистолетом» – Джеймс Бонд, которому в КГБ промыли мозги, пытается прикончить шефа из заряженного цианидом оружия. Ту же фабулу не раз использовали для радио- и телепередач по всему миру. Сташинскому посвящено множество книг и документальных фильмов, самое меньшее два романа, две пьесы и один игровой фильм.

Сорок лет КГБ отрицал свою роль в этих убийствах, а сотрудники ЦРУ ломали головы: не лжет ли этот перебежчик? И сегодня в печати кое-кто изображает Сташинского таким камикадзе – ему, мол, в Москве дали задание оговорить себя и отвести подозрения от более ценного агента, настоящего убийцы. Благодаря новым источникам, еще недавно недоступным, в этой книге опровергаются многие прежние гипотезы и слухи о деле Сташинского. Здесь оно предстает в контексте холодной войны – ожесточенной битвы идеологий и культур Востока и Запада, – а также удушливой обстановки, навязанной сталинским режимом тем народам, что оказались восточнее железного занавеса.

Главным источником сведений о Богдане Сташинском, его преступлении и его наказании служит стенограмма суда в Карлсруэ в октябре 1962 года. Теперь ее можно дополнить материалами недавно рассекреченных дел ЦРУ, КГБ и польских спецслужб, а также интервью и мемуарами бывших чекистов. Изучение кладбищенских книг в берлинском пригороде

подтвердило некоторые показания перебежчика, а моя беседа с начальником полиции ЮАР в отставке приоткрыла тайну переезда агента-убийцы в эту страну. Не исключено, что Сташинский до сих пор живет в Южной Африке – всегда на чеку.

Пролог

Солнечным утром 15 октября 1959 года по пути из центра Мюнхена трамвай подъехал к остановке на мосту Людвиг через реку Изар. Кондуктор объявил: «Немецкий музей». До войны в Немецком музее достижений естественных наук и техники хранилось крупнейшее в мире собрание научных экспонатов. Впрочем, до главного корпуса музея на острове от остановки было несколько минут ходьбы. Здание все еще служило немым свидетелем бомбардировок союзной авиации, но бросались в глаза и признаки послевоенного оживления. В музее шел капитальный ремонт, а на разрушенной Цеппелинштрассе на правом берегу Изара возводили новые дома. Двери трамвая открылись, пассажиры потянулись к выходу.

Худощавый, плоскогрудый мужчина, лет около тридцати, стоял на мосту, но заходить в вагон не спешил. Пропустил он трамвай и в другую сторону – к площади Карлсплатц и главному вокзалу Мюнхена. Не интересовал его и музей. Он смотрел в сторону Цеппелинштрассе, затем направился к дому № 67, где стоял темно-синий «опель-капитан». Приблизился, так чтобы прочесть номерной знак, и вернулся на свой пост. Около полудня его терпение было вознаграждено – из дома вышли мужчина лет пятидесяти и молодая женщина. Они сели в машину и уехали по Цеппелинштрассе прочь от моста. Незнакомец следил за ними, пока они не пропали из виду, затем сел на трамвай в центр.

В четверть первого молодой человек уже был на другом конце города, на площади Масманнплатц. Там он свернул на Крайттмайрштрассе. Впереди возвышалась католическая церковь Св. Бенно. У недавно построенного дома № 7 он остановился и заглянул в подворотню – во дворе стояли гаражи. Синего «опеля» нигде не было видно. Наблюдатель прогуливался по улице, то и дело посматривая на часы. Наконец показалась машина. «Опель» с тем же номером. Но вот водитель теперь был один.

Когда машина скрылась в арке, молодой человек пошел к парадному ходу в седьмой номер. Открыл дверь ключом, запер ее за собой и поднялся немного по лестнице, подстергая там свой объект. Внезапно наверху раздался женский голос: «*Wiedersehen*» («До свидания»). Кто-то спускался вниз. Гость испугался – он оказался зажат между лишней свидетельницей сверху и хозяином «опеля», который мог в любой момент зайти в дом. Он сбежал на первый этаж, встал лицом к двери лифта и нажал на кнопку. Почти сразу же он услышал шаги за спиной. Стук каблучков не оставлял сомнений – женщина. Она вышла на улицу через парадный ход.

Вздохнув с облегчением, молодой человек вернулся на прежнее место, незаметное для постороннего взгляда – на первой лестничной площадке. Пару минут спустя он посмотрел вниз и увидел хозяина «опеля» с Цеппелинштрассе. Невысокий, лысоватый мужчина одной рукой дергал застрявший в двери ключ, а в другой держал сумки. Видны были только помидоры в одном из кулчков. Охотник нагнулся, делая вид, что завязывает шнурок. Выглядело это странно, но он не хотел приближаться к цели, пока дверь подъезда не закроется. Затем он выпрямился и пошел вниз.

– *Funktioniert es nicht?* («Сломался?») – услышал он собственный голос.

– *Doch, es funktioniert* («Да нет, в порядке»), – ответил хозяин «опеля».

Молодой человек взялся левой рукой за наружную ручку двери, а правую, со свернутой в трубку газетой, поднял к лицу мужчины. Раздался приглушенный хлопок. Он видел, как жертва оседает назад, но не стал ждать, пока та упадет, а вышел из подъезда и поспешно закрыл за собой дверь. На улице он развернул газету, вынул скрытое оружие – цилиндр длиной около двадцати сантиметров – и положил в карман. Дело было сделано. Сташинский наконец-то выполнил задание¹.

¹ Richard Deacon, Nigel West. *Spy! Six Stories of Modern Espionage*. London, 1980, p. 127; Karl Anders. *Murder to Order*. New

Часть I Чекист

Глава 1 Вызов к Сталину

Хрущев, лысый, полный и на диво энергичный будущий вождь Советского Союза, проносил с трибуны очередную речь, когда ему доставили записку с просьбой незамедлительно позвонить в Москву.

На календаре было 1 декабря 1949 года. Никита Сергеевич, тогда еще первый секретарь компартии Украины, обращался к преподавателям и студентам Львова. Эту часть республики СССР отобрал в 1939 году у Польши, согласно пакту Молотова – Риббентропа. Недолговечный альянс кончился вторжением немцев в июне 1941 года, но в июле 1944-го их прогнали на запад. С тех пор коммунисты тщетно принуждали местных украинцев к примирению с новой властью – те мечтали о независимости. За несколько недель до речи Хрущева инсургенты-националисты прогремели на всю страну – убили Ярослава Галана, писателя-коммуниста и одного из рьяных пропагандистов режима. Первый секретарь прибыл во Львов, чтобы возглавить охоту на убийц и лично контролировать ход расследования. Один из преступников оказался студентом, и вот теперь Хрущев наставлял преподавателей и студентов-активистов.

Приказ связаться с Москвой застал его врасплох. Он завершил речь, призвал студентов не терпеть крамолы в своих рядах и тщательно искать бандеровцев. Затем уехал и позвонил в Кремль. Трубку взял Маленков, в то время – правая рука Сталина. От него зависело, кого снимут с должности, а кого назначат. Хрущеву было велено явиться в Москву – вылететь завтра утром. Позднее он признавался, что его переполняли самые мрачные предчувствия².

Тремя годами раньше, в марте 1947 года, Сталин лишил его должности первого секретаря ЦК компартии Украины, оставив менее значимую – председателя Совета министров. Так он поплатился за настойчивые просьбы о помощи УССР во время голода 1946–1947 годов. Причиной голода стали требования вождя выполнить завышенные нормы хлебозаготовок. Раздраженный Хрущевым, Сталин заменил его на Кагановича – одного из виновников Голодомора 1932–1933 годов, унесшего жизни около четырех миллионов жителей Украины. После понижения в должности бывший первый секретарь стал безжалостно выкачивать зерно из истощенных крестьян. На этот раз республика потеряла около миллиона человек. В конце 1947 года Кагановичу пришлось освободить кабинет – туда вернулся старый хозяин³.

Но чего Сталин хотел теперь? Не разгневала ли его смерть Галана? Не решил ли он, что Хрущев не в силах прекратить партизанскую войну на западе Украины? Партизан все звали бандеровцами – по имени лидера «революционного» (радикального) крыла Организации украинских националистов. В мемуарах Хрущев пишет, что впервые услышал о Степане Бандере в 1939 году. Тогда, уже на посту первого секретаря ЦК КП(б)У, он возглавлял процесс растворения Западной Украины в Украинской ССР. Бандера же сидел в тюрьме, осужденный за участие в ликвидации польского министра внутренних дел в 1934 году. Разгром Польши нацистами

² Хрущев Н. С. *Время. Люди. Власть: Воспоминания*. В 4 т. М.: Московские новости, 1999; Веденеев Д., Шевченко С. *Признался! Забирайте!* // 2000. 14 февраля 2002; Tarik Cyril Amar. *The Paradox of Ukrainian Lviv: A Borderland City Between Stalinists, Nazis and Nationalists*. Ithaca, New York, 2015, p. 242–248; Юлія Кисла. *Пост ім. Ярослава Галана: Осінній атеїзм у Львові* // Україна модерна. 6 січня 2015.

³ William Taubman. *Khrushchev: The Man and His Era*. New York, 2004, p. 179–207.

позволил ему выйти на свободу и незаметно покинуть занятую Красной армией территорию. Хрущев признавал:

Тогда его действия нам импонировали – он выступил против министра внутренних дел в реакционном Польском государстве <...> Но так как эти акции были произведены группами, которые не были друзьями Советского Союза, а были его противниками, националистами, ненавидевшими советский строй, то надо было бы это учесть.

Когда Сталин делил с Гитлером Восточную Европу – забирая, согласно упомянутому пакту, «восточные кресы» Польши (Западную Украину и Западную Беларусь), Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину, – Бандера взбунтовался против старых руководителей ОУН и предложил Третьему рейху услуги своей фракции. Советско-германский альянс был недолговечен. 22 июня 1941 года вермахт перешел границу и отбросил Красную армию на восток. Через неделю, 30 июня, Бандера и его соратники, провозгласили во Львове независимость Украины.

Но Германии ни к чему было новое государство на этой земле. Гитлер хотел заполучить «лебенсraum» – очищенную от местного населения территорию для немецкой колонизации. Гестапо схватило Бандеру и компанию, потребовав отозвать декларацию независимости. Вождь ОУН(р) отказался и провел большую часть войны в Заксенхаузене. Два его брата погибли в Освенциме. Хрущев пишет:

Когда Бандера увидел, что немцы и не думают выполнять данные ему обещания об образовании независимой Украины, он повернул против них свои отряды, но при этом не перестал ненавидеть Советский Союз. Под конец войны он сражался и против нас, и против немцев⁴.

К 1944 году украинские националисты сформировали сотысячное войско. Называлось оно Украинской повстанческой армией, а в обиходе – просто бандеровцами. Хрущев вспоминал: «Отбросив немцев на запад, мы встретили старого врага – украинских националистов». По его словам, те создавали собственные партизанские отряды. После освобождения из концлагеря Бандера уехал в Австрию. Командиры повстанцев на западе Украины едва поддерживали с ним контакт, но имя символического вождя по-прежнему гремело. Если в УПА – значит, бандеровец. Все светлые и темные стороны партизанской войны записывали на его счет: самопожертвование юношей и девушек, не щадивших себя ради освобождения отчизны, убийство тысяч мирных поляков, коллаборационизм отдельных бандеровцев с палачами из зондеркоманд, расправы над «пособниками» режима, вроде Ярослава Галана⁵.

На борьбу с боевиками бросили десятки тысяч солдат Советской армии, множество подразделений НКВД и сформированные на местах отряды ополчения. По официальным, откровенно завышенным, советским данным, лишь в 1944–1946 годах бандеровцы потеряли свыше ста тысяч убитыми и еще четверть миллиона пленными. Из районов боевых действий в Сибирь и Казахстан депортировали сотни тысяч мирных жителей. Руководство УПА, имея в своем распоряжении теперь лишь пять тысяч партизан, перешло к тактике мелких уколов: налеты на низовые учреждения и небольшие подразделения, индивидуальный террор против представителей власти и местных «предателей». Повстанцы понимали, что силы слишком неравны для открытого боя. Шанс увидеть независимую Украину, да и просто выжить, дала бы только новая мировая война – на этот раз между США и СССР.

⁴ Хрущев. *Время. Люди. Власть*. Т. 1, с. 242–243; «Bandera, Stepan» // *Encyclopedia of Nationalism*. San Diego, 2001. Vol. 2, p. 40–41; Микола Посівнич. *Степан Бандера*. Харків, 2015; Grzegorz Rossoliński-Liebe. *Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist: Fascism, Genocide and Cult*. Stuttgart, 2014.

⁵ Хрущев. *Время. Люди. Власть*. Т. 1, с. 582; Grzegorz Motyka. *Ukraińska partyzantka, 1942–1960*. Warsaw, 2006; Володимир В'ятрович. *Друга українсько-польська війна*. Київ, 2012.

Медленно, но неотвратимо удары органов госбезопасности и террор против местного населения сводили сопротивление на нет. К 1948 году УПА ослабла настолько, что режим начал на Западной Украине коллективизацию сельского хозяйства, без которой не мыслил программу «социалистических преобразований». Агенты МГБ проникли в десятки повстанческих отрядов. Среди прочего им поручили отследить линии связи между местными боевиками и эмигрантами-бандеровцами, чей штаб располагался в Мюнхене, в зоне американской оккупации. Тем не менее советские спецслужбы не могли добраться до руководства УПА или предотвратить убийство того же Галана⁶.

Хрущев знал писателя лично. В 1946 году Галан представлял прессу УССР в Нюрнберге, на суде над военными преступниками. Там он потребовал у американской оккупационной администрации выдать Бандеру, а вернувшись домой, неустанно поносил в памфлетах националистов и грекокатолическую церковь. Советский Союз неумолимо искоренял политическое, религиозное и культурное влияние Римской курии в Восточной Европе. Избежавших ареста иерархов и священников вынудили пристать к русскому православию, католики же, твердые в вере, ушли в подполье. Язвительные нападки Галана на церковь заметили в Ватикане, и в июле 1949 года Пий XII отлучил публициста от причастия. Тот ответил новым текстом: «Плюю на папу». По распространенному мнению, это стало его смертным приговором – партизаны были самой преданной паствой гонимого грекокатолического духовенства⁷.

Хрущеву немедленно доложили об убийстве. Он позвонил в Москву и передал новости из Львова, которые никак не порадовали стареющего и все более подозрительного диктатора. Судьба Галана стала для него холодным душем: через пять лет после очередной инкорпорации Западной Украины и через четыре года после падения Рейхстага украинские «бандиты» всё так же давали бой победоносной Советской армии. И не где-то на окраине концлагеря, а в самой сердцевине – в пределах Советского Союза. Генералиссимус послал туда отборные кадры. Их предупредили, что «товарищ Сталин крайне неудовлетворен работой органов безопасности по борьбе с бандитизмом на Западной Украине». Вождь приказал найти исполнителей и разгромить оставшееся подполье⁸.

Хрущев понимал, что на кону стоит его карьера. Он не только сам прибыл во Львов и взял следствие под личный контроль, но и привез всевозможных помощников из органов и компартии: министра внутренних дел УССР, секретарей ЦК КП(б)У и даже первого секретаря украинского комсомола. Хрущев велел превратить Львов и всю Западную Украину в укрепрайон. По некоторым сведениям, чтобы перекрыть приток новых сил в УПА, он готовился выслать всех молодых людей на шахты Донбасса или в фабрично-заводские училища на востоке Украины. А также ограничить передвижение местных жителей – регион в таком случае стал бы огромным концлагерем вне пределов законодательного поля СССР. Профессионалы с Лубянки отговорили первого секретаря от этой идеи, заявив, что в таком случае молодежь наверняка уйдет в леса и вольется в ряды бандитов⁹.

После звонка из Кремля Хрущев отложил выполнение своих планов и срочно улетел в Москву. В мемуарах он признавался: «Ехал я и не знал, зачем еду, куда и в каком положении буду возвращаться». Поездка оказалась одним из важнейших событий его жизни. Никиту Сергеевича не арестовали и даже не отчитали, напротив – он получил повышение. Престарелый

⁶ Paul Robert Magocsi. *A History of Ukraine: The Land and Its Peoples*. Toronto, 2010, p. 696–700; Jeffrey Burds. *Agentura: Soviet Informants' Networks & the Ukrainian Underground in Galicia, 1944–48* // *East European Politics and Societies*. 1997. Vol. 11, p. 89–130; Yuri M. Zhukov. *Examining the Authoritarian Model of Counter-Insurgency: The Soviet Campaign Against the Ukrainian Insurgent Army* // *Small Wars and Insurgencies*. 2007. Vol. 18, № 3, p. 439–466.

⁷ Bohdan R. Bociurkiw. *The Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State (1939–1950)*. Edmonton, 1996; Веденеев, Шевченко С. *Признался! Забирайте!*; Amar. *The Paradox of Ukrainian Lviv*, p. 240–242; Кисла. *Пост ім. Ярослава Галана*.

⁸ Павел Судоплатов. *Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля*. М.: Гея, 1996, с. 301.

⁹ Amar. *The Paradox of Ukrainian Lviv*, p. 243; Судоплатов. *Разведка и Кремль*, с. 302.

тиран решил, что такой человек нужен ему в Москве. Он поставил Хрущева во главе столичной парторганизации, дав задание искать внутренних врагов. Сталин чистил кадры от подлинных и мнимых членов «ленинградской группы», заподозренных в попытке создать отдельную Российскую коммунистическую партию. Такое развитие событий могло бы подорвать единство ВКП(б) и пошатнуть власть генсека. Хрущев, многолетний лидер компартии Украины, выглядел отличным кандидатом на роль борца с зарождавшимся русским национализмом как угрозой империи.

Само собой, он испытал огромное облегчение. «Отношение ко мне там очень хорошее, и я благодарен всем людям, которые меня окружали и помогали мне в руководстве на Украине», – сказал он Сталину. Но тут же признал, что охотно вернется в Москву. Хрущев получил позволение уехать обратно в Киев и довести срочные дела до конца, так чтобы явиться на семидесятилетие вождя – его должны были пышно отпраздновать 21 декабря. В этот день Сталин усадил Хрущева рядом с собой. По другую руку сидел Мао Цзэдун.

Никита Сергеевич семимильными шагами приближался к вершине советской власти – но так и не забыл испуга после внезапного вызова в Москву. И винил в этом человека, которого считал вдохновителем восстания на западе Украины, – Степана Бандеру¹⁰.

¹⁰ Хрущев. *Время. Люди. Власть*.

Глава 2

Король киллеров

Пока Хрущев присутствовал на главном юбилее страны, его недавние подчиненные продолжали охоту за верхушкой Украинской повстанческой армии. Многие встретили новый, 1950 год во Львове – им еще долго пришлось ждать разрешения вернуться в Москву или Киев. В их числе и Павлу Судоплатову – генерал-лейтенанту и таким образом самому старшему из чинов МГБ, командированных тогда на запад Украины. Убийство столпов украинского национализма было его специальностью.

Первое подобное задание ему дал Ежов в ноябре 1937 года. Нарком внутренних дел вызвал к себе тридцатилетнего чекиста и отвез его лично к Сталину. К тому времени Судоплатов, уроженец Мелитополя, свободно владевший украинским, втерся в доверие к эмигрантам-националистам в Европе – выдавал себя за связного подпольщиков из УССР. Вождь хотел узнать из первых уст, каковы отношения между лидерами разных украинских организаций. Судоплатов рассказал, что все они жаждут постов в будущем правительстве независимой Украины и что наиболее опасен предводитель ОУН Евгений Коновалец. Коновалец превосходил авторитетом Бандеру, к тому же за ним стоял абвер – военная разведка Германии.

«Ваши предложения?» – спросил Сталин. У Судоплатова их не было, и ему дали время на размышления. Неделью спустя он представил вождю план внедрения агентов НКВД в ОУН, а через нее и в абвер.

Его собеседник думал явно о другом. Он предложил высказаться Григорию Петровскому, старому большевику-украинцу, приглашенному в его кабинет. По воспоминаниям Судоплатова, Петровский «торжественно объявил, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за тяжчайшие преступления против украинского пролетариата». Конкретным основанием послужила роль Коновальца в событиях января 1918 года – командир сечевых стрельцов на службе Украинской Народной Республики подавил восстание на киевском заводе «Арсенал». Сталин поддержал Петровского такими словами: «Это не акт мести, хотя Коновалец и является агентом германского фашизма. Наша цель – обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть».

Он не хотел сразу же приказывать Судоплатову ликвидировать Коновальца, но ничего другого не планировал. Когда молодой разведчик не угадал желание хозяина, помог Петровский – высказал идею и представил ее как исполнение приговора. Сама идея принадлежала только Сталину. Несколько дней прежде Судоплатов говорил с Петровским в Киеве, и убийство не стояло на повестке дня. Теперь же ничто не мешало прямо инструктировать исполнителя.

– А каковы вкусы, слабости и привязанности Коновальца? Постарайтесь их использовать.

– Коновалец очень любит шоколадные конфеты, – ответил Судоплатов, который не раз сопровождал главу ОУН и подметил, что тот при первом удобном случае покупал коробку конфет.

Сталин велел обдумать это обстоятельство. Перед прощанием он спросил, правильно ли Судоплатов понимает политическое значение поручаемого боевого задания. Будущий киллер заверил вождя, что готов отдать жизнь ради выполнения приказа.

– Желаю успеха, – сказал Сталин и пожал ему руку.

Роль Коновальца в Гражданской войне позволяла представить планируемый теракт исполнением приговора, связи с абвером делали его устранение неплохим ходом на шахматной доске, а ярлык фашизма на Организации украинских националистов оправдывал убийство с точки зрения идеологии. Этот прием Советский Союз пустит в ход не один раз – радикальные, ультраправые идеи ОУН все же не привели к признанию ее членов фашистами в западном

мире, однако Кремлю было на руку обозначать врагов именно таким образом. Сталин готовился к войне с Германией и хотел спутать противникам карты. Коновалец был обречен.

НКВД последовал совету вождя – умельцы смастерили бомбу в коробке из-под шоколадных конфет. Стоило положить куда-нибудь коробку горизонтально, как запускался часовой механизм – бомба должна была взорваться через полчаса.

23 мая 1938 года около полудня агент явился на встречу с Коновальцем в ресторан отеля «Атланта» в центре Роттердама. Вскоре Судоплатов ушел и в магазине тут же за углом купил для маскировки шляпу и плащ. Немного позже раздался хлопок, и люди побежали в сторону отеля. Убийца же направился на вокзал и сел в поезд на юг. Из Парижа в Москву он послал шифрованную телеграмму: «Подарок вручен. Посылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, на котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам»¹¹.

Из газеты Судоплатов узнал, что Коновалец погиб на месте. Сразу же после взрыва у агента дико болела голова, однако о содеянном он не жалел и, оправдывая его, в мемуарах писал: «Шла весна 1938 года, и война казалась неизбежной. Мы знали: во время войны Коновалец возглавит ОУН и будет на стороне Германии». Эта операция оставалась эталонным политическим убийством для нескольких поколений чекистов: элегантно, эффективно, политически выгодно. Как и задумал Сталин, после гибели вождя верхушка ОУН погрязла в раздорах. Через два года молодой и честолюбивый Степан Бандера возглавил радикальную молодежь и откололся от тех, кто хранил верность старому соратнику Коновальца, полковнику Андрею Мельнику. Бандеровская фракция оказалась намного мощнее, а вражда между ними и мельниковцами дошла до кровопролития и длилась долгие годы, заметно ослабив националистов¹².

Убийство Коновальца прославило Судоплатова в кругах посвященных и дало толчок его карьере. Он оправдал доверие и во время Второй мировой – руководил диверсиями и ликвидацией важных фигур за линией фронта. После войны его таланты оставались так же востребованы. В сентябре 1946 года он проник в купе поезда, что шел из Саратова в Москву. Жертвой Судоплатова стал Александр Шумский, нарком образования УССР в 20-е годы. Обвиненный в буржуазном национализме, он провел много лет в тюрьме и ссылке, а теперь пожелал вернуться на Украину. Соучастником убийства был полковник Григорий Майрановский, начальник токсикологической лаборатории МГБ. «Ночью участники группы, возглавлявшейся Судоплатовым, вошли в купе, зажали Шумскому рот, после чего Майрановский ввел ему яд», – утверждает в материалах уголовного дела, возбужденного после смерти Сталина. Вскрытие не обнаружило следов кураре, который использовал убийца, и причиной смерти назвали кровоизлияние в мозг.

Год спустя от рук Судоплатова и Майрановского погиб Теодор Ромжа, епископ Мукачевской епархии (отдельной от Львовской митрополии грекокатолической церкви). Он возглавлял грекокатоликов Закарпатья, еще недавно принадлежавшего Чехословакии. По словам Судоплатова, МГБ стало известно, что Ватикан просит Великобританию и США о помощи униатам и тесно связанным с ними «бандитским формированиям». Ромжа оставался последним грекокатолическим епископом в СССР – наверху его посчитали угрозой. В феврале 1947 года украинский министр госбезопасности Сергей Савченко представил план убийства. В конце октября в бричку Ромжи врезался грузовик, но пассажир всего лишь попал в больницу с тяжелой травмой. Судоплатов и его «Доктор Смерть» закончили дело с помощью завербованной медсестры – она вколола епископу тот же кураре.

Воспоминания самого киллера и советские архивы указывают на то, что эти преступления совершались по прямому указанию Сталина. Никто другой не имел права обречать на

¹¹ Судоплатов. *Разведка и Кремль*, с. 16–36.

¹² Myroslav Yurkevich. *Organization of Ukrainian Nationalists* // Encyclopedia of Ukraine, vol. 3. Toronto, 1993; Roman Wysocki. *Organizacja ukraińskich nacjonalistów w Polsce w latach, 1929–1939: Geneza, struktura, program, ideologia*. Lublin, 2003.

смерть будущих жертв секретной группы Судоплатова. Но вот предложения устранить кого-то подавали и другие члены советского руководства. Судоплатов пишет, что на расправе с Шумским и Ромжей настаивал Хрущев – первый секретарь даже инструктировал Майрановского, когда тот готовился выехать из Киева в Ужгород. Судоплатов упоминает телефонный разговор генерала Савченко, министра госбезопасности СССР, с Хрущевым, когда последний дал добро на убийство Ромжи. Правда ли это, неизвестно, но сомнений в том, что замысел преступления созрел в Киеве, нет. И доложить об этом в Москву могли только по личному указанию Хрущева¹³.

В декабре 1949 года, после убийства Галана, Судоплатову дали еще более важное задание: найти и ликвидировать Романа Шухевича, главнокомандующего УПА. Шухевичу тогда было 42 года. В свое время он служил одним из командиров «Нахтигалья», спецбатальона абвера из украинских националистов. Пока Бандера сидел в Заксенхаузене, этот опытный боец взял в свои руки контроль над бандеровской ОУН на западе Украины. Судоплатов и генерал Виктор Дроздов, заместитель Савченко, мобилизовали на поиски Шухевича целую армию чекистов и секретных агентов. Удача улыбнулась им в начале марта, когда бывшая подпольщица выдала МГБ Дарью Гусяк, двадцатилетнюю связную вождя УПА. Судоплатов лично допросил арестованную, но та держалась стойко. В камеру посадили сексотку. Гусяк написала записку и попросила передать ее командиру в Белогорщ, село подо Львовом. Туда молниеносно выехали шесть сотен сотрудников МГБ.

Когда оперативники ворвались в дом, где скрывался Шухевич, тот стал отстреливаться и погиб на месте. В записке Судоплатова читаем:

Наша группа, которая вошла в дом, приступила к операции, в ходе которой Шухевичу было предложено сдаться. В ответ на это Шухевич оказал вооруженное сопротивление, открыл огонь из автомата, которым убил майора Ревенко – начальника отделения Управления 2-Н МГБ СССР – и, несмотря на принятые меры к захвату его живым, во время перестрелки был убит сержантом 8 СР 10 СП ВВ МГБ.

Одна из ран наводила на мысль, что Шухевич застрелился во время боя, чтобы не попасть в плен. Как бы то ни было, Судоплатов доложил в Москву об успехе операции – еще одним главарем украинских националистов стало меньше¹⁴.

С гибелью Шухевича значение Бандеры как символа сопротивления возросло и стало абсолютно несоразмерно его практическому влиянию на украинские дела. Убийство подпольщиками пропагандиста Ярослава Галана только закрепило первенство Бандеры в списке заклятых врагов советской власти. Хрущев требовал его головы. По некоторым сведениям, осенью 1949 года Верховный суд СССР вынес Бандере смертный приговор. Судоплатов рассказывал, что вскоре после смерти Сталина новый партийный вождь вызвал его в Кремль и велел «подготовить план ликвидации бандеровского руководства, стоящего во главе украинского фашистского движения в Западной Европе, которое имеет наглость оскорблять руководителей Советского Союза»¹⁵.

¹³ Судоплатов. *Разведка и Кремль*, с. 295–301, 430; Петров Н. *Штатный государственный убийца (реабилитированный): Два дня из жизни Павла Судоплатова* // Новая газета. 7 августа 2013; Петров Н. *Мастер индивидуального террора: Портрет Эйтингона, коллеги Судоплатова* // Новая газета. 26 февраля 2014.

¹⁴ Судоплатов. *Разведка и Кремль*, с. 302–305; Дмитро Веденеев. *Як загинув Шухевич і що могло статися з його тілом* // Історична правда. 8 серпня 2011; Олеся Ісаюк. *Роман Шухевич*. Харків, 2015.

¹⁵ Пронин А. *Ликвидация «Волка»* // Столетие. 25 марта 2014; Сидорчик А. *Палач для террориста: Убийцу Бандеры наградили орденом* // Аргументы и факты. 12 марта 2014; Посівнич. *Степан Бандера*, с. 216; Судоплатов. *Разведка и Кремль*, с. 431.

Глава 3

Секретный сотрудник

Апрельским вечером 1950 года милиционер в штатском постучал в дверь скромной крестьянской хаты в селе Борщовичи близ Львова. Дом принадлежал почтенному семейству Сташинских. Отец плотничал и был известным книголюбом, мать вела хозяйство. У них было две дочери немного старше двадцати лет и сын, едва достигший совершеннолетия¹⁶.

Сташинские имели меньше гектара земли, но приход коммунистов этих убежденных патриотов Украины никак не порадовал. Именно у них дома соседи слышали национальный гимн – нередко впервые в жизни – и видели трезубец, герб Украинской Народной Республики, разгромленной большевиками в 1920 году. Галичина до 1939 года попала под власть Польши, так что распевать украинский гимн и выставлять напоказ герб было занятием вовсе не безопасным. Советская аннексия открыла список большевистских жертв среди членов семьи. В октябре 1940 года чекисты схватили их близкого родственника – тридцатилетнего Петра Сташинского, активиста культурного возрождения и члена ОУН. В июне 1941-го его расстреляли во львовской тюрьме за несколько дней (если не часов) до того, как советская администрация оставила город. Та же участь постигла тысячи политзаключенных. Сташинские очень тяжело переживали гибель Петра.

В 1944 году, когда Красная армия вновь заняла Галичину, Сташинские начали изо всех сил помогать УПА. Они даже укрывали хлопцев из лесу в своем доме. Иногда к ним приходило человек двадцать-тридцать, и хозяйка собирала еду для гостей по соседям. Ее дочери Ирина и Мария стали связными подпольщиков. Обе в итоге попали за решетку. «Когда их выдали властям, то отвезли в тюрьму в Ярычев. И так побили, что искалеченная Мария не вышла замуж. Она говорила: „Кому я нужна такая погубленная?“» – припоминала много лет спустя одна соседка. Ирина, учительница в местной школе, потеряла работу. Семья попала в черные списки МГБ, так что отец держал запас сухарей на случай вынужденной поездки в Сибирь¹⁷.

Теперь страж порядка желал видеть восемнадцатилетнего Богдана. Семья им гордилась – он первым из Сташинских пытался получить высшее образование. Девчата тоже не обходили вниманием стройного, осанистого юношу с открытым лицом, высоким лбом, скорее крупным носом и ямочкой на подбородке. Он высоко зачесывал черные волосы и всегда опрятно одевался. Богдан родился 4 ноября 1931 года, учился в школе при поляках, при советах, при немцах и снова при советах. Преподавали там всегда по-украински. В зависимости от страны-оккупанта, вторым языком в программу ставили то польский, то русский, то немецкий, то снова русский. В 1945 году Сташинский переехал в близлежащий Львов, окончил школу, но в медицинский институт не поступил – его мечта стать врачом не сбылась. Вместо этого он изучал математику в педагогическом. Каждые несколько дней он ездил на поезде домой пополнить запас съестного. Купить билет ему было не на что, поэтому он катался зайцем.

Незванный гость заявил Сташинскому, что им следует немедленно пройти в линейное отделение милиции и обсудить недавнее происшествие: Богдана поймали в вагоне без билета, записали фамилию и адрес. И отпустили, зато теперь пришли по его душу. Учитывая семейное прошлое и связи с ОУН, это казалось пустяком, ведь юному студенту могли предъявить обвинение намного серьезнее, да и сейчас не стоило зарекаться. Милиционер отвел Богдана на

¹⁶ Судовий процес проти Богдана Сташинського перед Федеральною судовою палатою в Карльсруге // Московські вбивці, с. 127.

¹⁷ Ігор Дерев'яний. Розстріли в'язнів в червні-липні 1941: Як це було // Історична правда. 24 червня 2011; Леся Федів. Він убив Бандеру // Щоденний Львів. 22 травня 2008; Іван Фаріон. «Якби могла, сама убила б убивцю Степана Бандери» // Високий замок. 14 жовтня 2015.

станцию. Там его ждал не кто-нибудь, а офицер с несколькими звездами на погонах. «Капитан Константин Ситняковский», – представился тот.

Офицер расспрашивал парня о бандеровцах и о том, какую роль члены семьи играли в подполье. Казалось, ему известно почти все. «Ситняковский знал о сотрудничестве моей сестры с подпольем и ориентировался в обстановке в нашем селе», – показал Сташинский на суде. Сверх того, для капитана не было тайной и участие самого Богдана в сопротивлении: тот раздавал односельчанам антиправительственные листовки, собирал деньги для повстанцев и виделся с их командирами. В доносах, направляемых Ситняковскому с февраля 1950 года, утверждалось, что Сташинский завязал близкое знакомство с «бандитами», а также их пособниками. Принуждение молодого человека к сотрудничеству могло принести МГБ немалую выгоду. Сташинский так описал суть их разговора: «Он предложил мне выбирать: или я сам выкручусь из этого положения и помогу своим родителям, или меня арестуют и приговорят к двадцати пяти годам тюрьмы, а моих родителей вышлют в Сибирь»¹⁸.

Богдан знал, что это не пустые угрозы. Органы то и дело хватили людей за куда менее тяжкие «преступления», чем те, что совершала его семья. Студент испугался. Беседа, превращенная в допрос, длилась четыре часа – с полдесятого вечера 21 апреля до полвторого ночи 22-го. Сташинский не стал скрывать, что помогал оуновцам, и признался почти во всем: назвал имена партизан и сочувствующих, изложил детали акций, в которых участвовал или о которых слышал¹⁹.

Село Борщовичи окружали леса, где скрывался отряд УПА под командой Ивана Лабы – уроженца тех же мест, взявшего себе псевдоним Кармелюк (по имени знаменитого «украинского Робин Гуда» XIX века). Он пристал к бандеровцам в 1941 году, вскоре после того как нацисты загнали их в подполье. Как и многих других националистов, его схватило гестапо, Лаба очутился в Освенциме и протянул там до конца войны. Выйдя на свободу, он вернулся в ряды партизан и стал командиром младшего звена («кустовым»). Ему приглянулась Мария Сташинская, знал он лично и ее младшего брата. К ним домой частенько заглядывали подпольщики, поэтому Богдан успел познакомиться со многими из них²⁰.

Капитан объяснял пареньку, что мятеж – затея бессмысленная и бесперспективная. Сташинский не возражал. Он знал, что уход в леса равносителен смертному приговору – девять к одному, что его убьют или арестуют. Как отказать вербовщику, если тот угрожает и ему, и родным? Он попрощается навсегда с мечтой о высшем образовании, будет гнить за решеткой. Пострадают и члены его семьи. Ситняковский не требовал немедленно подписать согласие на сотрудничество. «Хоть он меня вербовал, он не спрашивал меня прямо, а подводил к этому осторожно, чтоб я не выглядел предателем в собственных глазах», – рассказал на суде Сташинский. Чтобы уберечь себя от тюрьмы, а близких – от Сибири, он должен был теперь шпионить за ними. «Я знал, что, если приму его предложение, то разругаюсь с родителями. Но я очутился в таких обстоятельствах, что мне было ясно, что лучше будет согласиться». Он сказал «да», и довольный Ситняковский доложил наверх о вербовке еще одного сексота²¹.

Богдан получил оперативный псевдоним «Олег» – имя одного из первых князей Киевской Руси. С тех пор он подписывал им свои донесения. Первое время это был пересказ разговоров о подполье с Марией, родственниками и друзьями-односельчанами. Но вскоре куратор

¹⁸ Судовий процес проти Богдана Сташинського // Московські вбивці, с. 125–127; Фаріон. «Якби могла, сама убила б убивцю Степана Бандери».

¹⁹ Рапорт капитана Ситняковского полковнику Чоботову от 22 апреля 1950 г. // Дело оперативной разработки № 4, кличка «Тарас», т. 1, л. 25–26, Служба зовнішньої розвідки України: Розсекречені архіви; Судовий процес проти Богдана Сташинського // Московські вбивці, с. 130–131; Протокол допроса Богдана Сташинського капитаном Ситняковским 21–22 апреля 1950 г. // Дело оперативной разработки № 4, кличка «Тарас», т. 1, л. 32–38.

²⁰ Олександр Андрейко. Нарис про історію села Пікуловичі, <http://пикувовичі.укр/wp-content/uploads/2014/03/Naris-pro-istoriyu-sela-Pikulovichi.pdf>

²¹ Рапорт капитана Ситняковского полковнику Чоботову от 22 апреля 1950 г.

дал ему понять, что этого мало. Если Сташинский желал исчезнуть из списка подозрительных лиц и оказать родным ту же услугу, ему надо было помочь властям схватить или уничтожить командира боевиков Лабу. Тот навещал Марию, сестру Богдана, и добивался ее руки. Ситняковский предложил такой план: в ночь, когда Кармелюк должен будет к ним явиться, агент подаст сотрудникам МГБ сигнал фонариком. Они выйдут из кустов вокруг хаты и арестуют или пристрелят «бандита». Ничего не вышло. Сташинский докладывал о появлении в селе партизан всегда с опозданием. Он не смог указать дом, где его знакомый прятался от чекистов. В итоге капитан заподозрил «Олега» в двойной игре – его свобода и благополучие близких вновь повисли на волоске²².

Молодому человеку надо было доказать делом свою благонадежность – и он доказал. Время колебаний прошло. Сташинский вызвался уйти в лес и доставить жениха сестры куратору живым или мертвым. В начале 1951 года МГБ распустило слух о скором аресте Богдана за связи с подпольем. Он приехал из Львова домой и сказал родным, что его разыскивают. Те ответили в один голос, что теперь ему остается только бежать к партизанам.

Мария известила друзей в отряде, и 10 марта Кармелюк сам пришел его забрать. Кое-кто из бойцов косо смотрел на Богдана, но сестра настаивала, а жених не мог ей отказать. Таким образом он нарушил приказ высшего командования УПА – каждому новичку надлежало пройти испытательный срок. Лаба полностью доверял будущему шурина.

Сташинский его предал. Он дважды посылал Ситняковскому записки с планом засады и ликвидации отряда. Писал он их морзянкой, которой Лаба не знал. Он верил Богдану на слово – тот сказал ему, что шлет весточку во Львов девушке, с которой там познакомился. Бывалый повстанец снисходительно смотрел на это увлечение. Органы исполнили замысел Сташинского – 14 июня 1951 года отряд попал под пули. Тела Ивана Лабы и его товарищей выставили на обозрение селян, внушая им страх перед властью. Два дня спустя агент подал детальный рапорт о своих подвигах²³.

В одном из донесений Ситняковскому морзянкой «Олег» сообщил, что встретил убийцу Ярослава Галана. Имя его – Михайло Стахур. Через три с лишним недели после устранения Лабы группа сотрудников МГБ арестовала Стахура. Чекисты велели пожилой паре, что снабжала партизан пищей, подсыпать снотворное в компот. Стахур и три его собрата уснули и проснулись уже в наручниках. Одним из арестованных был Ярослав Качор, который около полугода назад убеждал Кармелюка не брать в отряд Сташинского. Стахура судили и повесили в октябре. Его сообщника Лукашевича казнили в марте, когда Сташинский только обживался в рядах повстанцев, которых потом предал²⁴.

Смерть Лабы и арест Стахура летом 1951 года не оставили у подполья сомнений в том, что Богдан работает на органы. Новости как громом поразили Сташинских. В июле сестра Ирина отыскала его во Львове и сказала, что семья больше не желает его видеть – особенно мать и Мария. Близкие отреклись от него именно в то время, когда он просил Ситняковского не высылать их в Сибирь за «пособничество бандитам». МГБ над ними сжалилось, но люди,

²² Автобиография Богдана Сташинского // Дело оперативной разработки № 4, кличка «Тарас», т. 1, л. 9–11; План проведения операций по поимке и уничтожению бандбоек районного проводника ОУН «Кармелюк», составленный капитаном Ситняковским 15 сентября 1950 г. // Там же, л. 62–63.

²³ Автобиография Богдана Сташинского, л. 9–11; Агентурное донесение «Олега» Ситняковскому от 27 января 1951 г. // Дело оперативной разработки № 4, кличка «Тарас», т. 1, л. 241–241 об.; План мероприятий по внедрению агента «Олег» в бандбоек районного провода ОУН «Кармелюк», составленный капитаном Ситняковским 27 февраля 1951 г. // Там же, л. 65–67; Агентурное донесение источника «Олег» от 16 июня 1951 г. // Там же, л. 71–101; Донесения «Олега» Ситняковскому (1951) // Там же, л. 249–259 об.

²⁴ Донесение «Олега» Ситняковскому от 16 апреля 1951 г. // Дело оперативной разработки № 4, кличка «Тарас», т. 1, л. 253–253 об.; *Судовий процес проти Богдана Сташинського* // Московські вбивці, с. 135–137; Світлана Вораз. *Його вчинкам немає виправдання* // Голос народу (Пустомити). 23 листопада 2013; Роман Василько. *Злочин: хто гостив сокиру? ОУН – УПА*, <http://oun-upa.national.org.ua/articles/vasylo.html>; Веденев, Шевченко. *Признался! Забирайте!*

ради которых он марал руки кровью, больше не считали его сыном и братом. Богдан был в смятении. Теперь-то он мог доучиться в институте, не боясь тюрьмы, – но как ему жить без поддержки родных? Стипендии платили копеечные. Студенты, которым не помогала семья, спали иногда по шесть человек в комнате и питались килькой – даже картошка для них была лакомством²⁵.

МГБ сдержало слово. Других хватали (только по доносам Богдана – шесть человек), а Сташинских не трогали. «Олегу» предложили на выбор учиться дальше или перейти к ним на постоянную службу. Оклад ему сулили в 800–900 рублей, то есть втрое больше того, что получал сельский библиотекарь, а для студента – и вовсе золотые горы. «Это было [всего лишь] предложение, – признавал Сташинский на суде, – но мне ничего не оставалось, как только принять его и впредь работать на НКВД. Пути назад для меня уже не было». Ему и вправду некуда было деваться. Спецслужбы стали для него новым домом и новой семьей²⁶.

²⁵ Автобиография Богдана Сташинского, л. 11; Володимир Овсійчук. «Півстоліття тому...» // Осягнення історії: Збірник наукових праць на пошану професора Миколи Павловича Ковальського з нагоди 70-річчя. Острого – Нью-Йорк, 1999, с. 13–17; Кравченко М. *Трезубец в петле* // Русское воскресение, www.voskres.ru/army/publicist/kravtshenko.htm

²⁶ . *Судовий процес проти Богдана Сташинського* // Московські вбивці, с. 137; Характеристика на агента-боевика УМГБ Львовской области «Олег», составленная лейтенантом Чингиляном 26 июля 1951 г. // Дело оперативной разработки № 4, кличка «Тарас», т. 1, л. 54–56; Ответ капитана Федulina подполковнику Бурлаченко 19 февраля 1952 г. // Там же, л. 140–140 об.; Справка по делу-формуляр № 15985 на Сташинскую Марию Николаевну от 28 марта 1952 г. // Там же, л. 142–143.

Глава 4

Парашютист

Богдана Сташинского включили в одно из спецподразделений Министерства государственной безопасности, набранных из бывших боевиков, согласившихся работать на режим – кто добровольно, кто вынужденно.

Впервые такие подразделения сформировали в 1944 году, когда Красная армия выбивала с Западной Украины вермахт. Маскируясь под отряды УПА, они занимались террором, дезориентацией противника, саботажем и убивали мирных жителей, чтобы опорочить настоящих повстанцев. Всего на совести этих агентурно-боевых групп МГБ около тысячи жизней и вдвое больше арестов. Кое-кто из бойцов раскаялся и снова ушел в УПА, а заодно и посвятил бандеровцев в тайны чекистов. Большинство, однако, понимало, что им придется хранить верность режиму. Замарав себя кровью невинных жертв, они не оставили себе другого выхода.

Когда Сташинский поступил на службу, таких агентов насчитывалось полторы сотни, в каждой группе – не более десяти человек. В подчинении Львовского облуправления МГБ находилось три таких группы: «Метеор», «Гроза» и «Тайфун». Последняя и стала новым домом для Богдана. Бойцы пользовались продукцией секретных лабораторий министерства: замаскированными взрывными устройствами с часовым механизмом, тубиками из-под зубной пасты, наполненными ядовитым газом или препаратом «Нептун-47» – подмешанная в воду, эта жидкость за несколько минут вводила человека в наркотический сон²⁷.

Группа «Тайфун» проводила операции, ставшие для таких подразделений рутиной. Схваченного чекистами повстанца, которого не могли сломить пытки, передавали одетым в советскую форму членам группы – якобы для перевозки по этапу. Грузовик внезапно глох возле хутора, где прятались их товарищи, переодетые боевиками. Те пристреливали «охрану» и «освобождали» пленного. Бой был продуманным спектаклем – обе стороны стреляли холостыми. «Убитые» конвоиры валялись в лужах заранее заготовленной куриной крови.

Затем происходил еще один резкий поворот сюжета. Псевдопартизаны говорили пленному, что нашли протоколы его допросов – оказывается, он выдал красным их секреты. Сбитому с толку повстанцу угрожали расстрелом на месте. Вынуждая его оправдаться перед УПА, из него вытягивали все, что он знал, – если только кто-то из раскаявшихся актеров не находил способ его предупредить. Стоило этой беседе закончиться, как на лжебоевиков «нападало» еще одно подразделение МГБ и герой дня снова попадал в советский плен. Его признания бандеровцы-чекисты, само собой, успевали записать. После такого шоу Сташинский и коллеги могли поехать во Львов отдохнуть и повеселиться²⁸.

Игорь Куприенко, один из кураторов таких групп, позднее утверждал, что агенты «готовили и разыгрывали целые спектакли с мизансценами» и что это была настоящая актерская работа. Куприенко и сам сыграл важную роль в эпизоде, изменившем судьбу Сташинского. Началась эта история в июне 1951 года – одновременно с возвращением «Олега» из леса и началом его официальной карьеры в МГБ. Спецподразделение из недавних повстанцев тогда вышло на контакт с человеком, которому чекисты присвоили псевдоним Майский. Это был

²⁷ Дмитро Веденєєв і Геннадій Биструхін. *Двобій без компромісів: Протиборство спецпідрозділів ОУН та радянських сил спецоперацій: 1945–1980-ті роки*. Київ, 2007, с. 288–303, 392–409; Заключение об использовании агента «Олега» в агентурно-боевой группе «Тайфун» при Управлении МГБ Львовской области, составленное лейтенантом Чингиляном 26 июля 1951 г. // Дело оперативной разработки № 4, кличка «Тарас», т. 1, л. 57–58.

²⁸ John L. Steele. *Assassin Disarmed by Love: The Case of a Soviet Spy Who Defected to the West* // Life. September 7, 1962, p. 70–77, reprinted in Allen Dulles ed., *Great True Spy Stories*. New York, 1968, p. 421–422; *Судовий процес проти Богдана Сташинського* // Московські вбивці, с. 137.

Мирон Матвиейко, начальник Службы безопасности заграничных частей ОУН и британский агент.

В Лондоне на Матвиейко и его подручных возлагали большие надежды. Летом 1949 года СССР обзавелся атомной бомбой, через несколько месяцев Мао Цзэдун установил в Китае коммунистический режим, поэтому США и Англию тревожила перспектива очередной войны в Европе. По общему мнению, только ядерная монополия Белого дома удерживала Кремль от того, чтобы отбросить недавних союзников к Ла-Маншу, используя численное превосходство. При такой вероятности войны Западу следовало как можно лучше изучить потенциального противника. Британская разведка МИ-6 добывала данные о советской армии, ее инфраструктуре и техническом оснащении. Она предлагала снабдить УПА крайне необходимым той снаряжением, взамен же требовала исполнять свои поручения. С этой целью британцы и забросили Матвиейко на Западную Украину 15 мая 1951 года, начав первую из ряда намеченных операций такого рода²⁹.

Матвиейко, опытному контрразведчику, было тогда 37 лет. В ОУН он носил псевдоним *Усміх* (Улыбка), британские кураторы дали ему новый – *Moody* (Угрюм). Первоначально думали переправить на родину и самого Бандеру, чтобы тот возглавил всю группу. Но за несколько недель до начала операции план изменили. Англичане отказались от Бандеры, поскольку в случае провала их могли бы обвинить не только в шпионаже, но и в стремлении устроить в СССР переворот, забросив вождя крупнейшей антисоветской организации. Не хотели они и брать на себя ответственность за жизнь Бандеры – риск был слишком велик. Матвиейко пришлось лететь на родину без шефа.

В мае 1951 года Бандера лично приехал в Лондон попрощаться с Матвиейко и дать ему последние указания. Важнейшим делом, с точки зрения главы ОУН(б), было завоевание доверия командиров на западе Украины. Он хотел, чтобы Матвиейко убедил Василя Кука (тот сменил убитого Шухевича на посту главкома и краевого партийного руководителя) поддержать его в борьбе за контроль над эмигрантами. Также Матвиейко должен был расследовать обстоятельства гибели Шухевича. Ходили слухи, что именно Кук виновен в недостаточно строгой конспирации командующего. На случай если бы Кук не стал подчиняться Бандере, у Матвиейко был приказ взять командование в свои руки и при необходимости даже устранить «предателя»³⁰.

7 мая Матвиейко и пяти его подчиненным выдали британскую форму и документы на имя граждан Польши. Самолет доставил их на Мальту. Заброска в СССР откладывалась из-за плохой погоды, поэтому им пришлось пробыть на острове целую неделю. Вечером 14 мая самолет все же поднялся с военного аэродрома и за шесть часов пролетел Грецию, Болгарию и Румынию. В четверть первого ночи он вошел на малой высоте в воздушное пространство СССР над долиной Днестра – высокие лесистые берега служили укрытием от радара. Группа парашютистов высадилась на украинскую землю. Самолет повернул на запад и сбросил еще одну группу украинцев над Польшей.

На Лубянке о них знали задолго до вылета с Мальты. Одним из источников стал Ким Филби – офицер МИ-6, отвечавший за связь с ЦРУ. Еще с 30-х годов он работал на большевиков и выдал им множество агентов вроде Матвиейко. Филби писал в мемуарах: «Не знаю, что случилось с этими группами, но об этом, пожалуй, нетрудно догадаться»³¹. Большинство из

²⁹ Веденеев і Биструхін. *Двобій без компромісів*, с. 290, 392–395; Stephen Dorril. *MI6: Inside the Covert World of Her Majesty's Secret Intelligence Service*. New York, 2000, p. 223–248; Peter Grose. *Operation Rollback: America's Secret War Behind the Iron Curtain*. New York, 2000, p. 171; Kevin C. Ruffner. *Cold War Allies: The Origins of CIA's Relationship with Ukrainian Nationalists // Fifty Years of the CIA*. Langley, VA, 1998, p. 29–30.

³⁰ Степан Бандера у документах радянських органів державної безпеки (1939–1959) / За ред. Володимира Сергійчука. Київ, 2009. Т. 3, с. 69–77, 95–96, 105.

³¹ Филби К. *Моя тайная война: Воспоминания советского разведчика* / Пер. с англ. П. Н. Видуэцкого и С. К. Рощина. М.: 23

тех, о ком он предупреждал Москву, схватили, допросили и расстреляли. Везунчики получили длительные сроки заключения.

Радар засек вторжение в советское воздушное пространство, но ПВО молчала. Командование МГБ выжидало – 14 самолетов и 11 000 солдат и офицеров должны были найти место высадки и задержать парашютистов. Но «Улыбке» в тот момент улыбнулась удача. Десантирование прошло как по нотам: группа не потеряла ни одного человека, соединилась и сумела ускользнуть от преследования. Агентов снабдили испанскими пистолетами *Llama* и британскими пистолетами-пулеметами STEN, немалой суммой в советской и иностранной валюте, а самое главное – запасом консервов. Они могли бы неделями скрываться в лесу, не выходя к людям. В последние дни мая они наладили связь с тем местным жителем, ради которого их забросили на Украину, – главкомом УПА Василем Куком.

Кук прислал отряд за гостями, чтобы доставить их в штаб одного из подчиненных ему командиров. Матвиейко после нескольких лет за границей не терпелось увидеть тех, кто упорно воевал в тылу врага. Хозяевам в свою очередь интересно было расспросить посланца Бандеры. Они выпили и закусили. Когда кто-то сказал «давайте закурим», люди Кука внезапно схватили Матвиейко. У него не было сил сопротивляться – в воду ему подмешали «Нептун-47». Повстанцы оказались членами агентурно-боевой группы МГБ, такой же, в какую через пару месяцев вступит Сташинский.

Матвиейко думал, что песенка его спета, но вот чекисты не спешили – он у них еще запоет. Он возглавлял Службу безопасности Заграничных частей ОУН, печально известную допросами, пытками и казнями тех, кто пришелся не по нутру Бандере и его окружению, – и поэтому знал, что коммунисты заставят его говорить. Так он и сказал Судоплатову, который лично допрашивал его в Москве. По словам Судоплатова, пленник решил пойти на сотрудничество, когда понял, как много на Лубянке знают об ОУН – почти все, «кроме, быть может, фамилий нескольких второстепенных агентов». Могли его подтолкнуть к этому и другие причины. Учитывая, что он прилетел как начальник группы «британских шпионов», а до этого руководил охраной Бандеры, Матвиейко, как сказал бы Филби, было нетрудно догадаться, что в противном случае его расстреляют.

Пленник приготовился внимательно слушать тех, кто решал его судьбу. Лубянка же назначила ему роль ключевой фигуры в радиоигре с британской разведкой и его бывшими соратниками. Под контролем органов госбезопасности Матвиейко должен был посылать составленные для него радиogramмы в Лондон и Мюнхен. Бдительность МИ-6 и Бандеры ослабили бы дозированные точные сведения, сильно разбавленные дезинформацией. Матвиейко предстояло докладывать о выдуманных успехах и настоящих провалах УПА. Организованное сопротивление доживало последние дни – в немногие уцелевшие отряды внедрялись советские агенты. Чекисты рассчитывали, что британцы и украинские эмигранты будут сообщать о каждой новой группе парашютистов. Матвиейко принял предложение МГБ.

Радиоигра стартовала в конце июня 1951 года – через три недели после ареста Матвиейко. Игорь Куприенко был одним из офицеров, приставленных надзирать над ценной добычей. Он и его коллеги руководили формированием подставного отряда УПА. «Боевики» устроили себе базу в лесной глуши и пустили слух, что среди них находится представитель самого Бандеры. Именно с этой базы Матвиейко следовало выходить в эфир. На протяжении года МГБ послало 32 радиogramмы британской резидентуре в Кёльн и получило 39 с инструкциями из Лондона.

Британская разведка и ее украинские союзники были вне себя от радости. Раньше они с трудом получали весточки с Западной Украины через курьеров – теперь установили постоянный контакт. Матвиейко снабжал их данными не всегда интересными, но уж точно надежными. Подлинный же триумф испытывали в Москве. У МГБ появилась уникальная возмож-

ность обманывать противника, выведывать его планы и расстраивать их еще до воплощения в жизнь. Убедить Бандеру навестить подчиненного лично так и не вышло, зато прекрасно удалось сыграть на противоречиях между фракциями ОУН и натравить их лидеров друг на друга³².

Прибытие Матвиейко на Украину, его показания и полученные в ходе радиоигры сведения убедили МГБ в том, насколько велико было значение бандеровского центра за рубежом для тех остатков УПА, что упорно дрались и дальше. Допрашивая пленника, Судоплатов особое внимание уделял тому, где и в каких условиях живет враг номер один, каковы его привычки, какие отношения он поддерживает с другими эмигрантами. Заграничную сеть МГБ обязали найти и уничтожить Бандеру и его коллег. Агенту-новичку Богдану Сташинскому суждено было сыграть ключевую роль в исполнении этого приказа.

Летом 1952 года, отслужив около года в группе «Тайфун», «Олег» был вызван в Киев. Там ему предложили пройти два года обучения для агентурной работы за рубежом, ведь он показывал неплохие результаты. Начальники характеризовали его так: «Дисциплинированный, смелый, находчивый и инициативный». И образование Сташинский заметно выделялся среди товарищей. Большинство перебежчиков из УПА были сельские хлопцы, которые знали только Карпаты и туманно представляли себе, каково ехать на поезде или жить в крупном городе. Мало кто окончил среднюю школу. Даже среди офицеров МГБ только 13 % имели высшее образование и менее половины – полное среднее. Богдан несколько лет учился в пединституте и это давало ему немалое преимущество. Предложение уехать в столицу УССР он принял, видимо, с радостью: теперь его не вынудят предавать родных или рисковать жизнью в бою с настоящими партизанами. В Киеве однокашники смотрели на него с восхищением: по слухам, при его участии задержали одного из убийц Галана³³.

³² Судоплатов. *Разведка и Кремль*, с. 305–307; Дмитро Веденеев і Юрій Шаповал. *Мальтійський сокіл, або Доля Мирона Матвиейка* // Дзеркало тижня. 10 серпня 2001; Веденеев і Биструхін. *Двобій без компромісів*, с. 392–399; Christopher Andrew and Vasili Mitrokhin. *The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB*. New York, 1999, p. 155.

³³ Заключение о дальнейшем использовании агента-боевика «Олег», составленное капитаном Ежовым 17 мая 1952 г. // Дело оперативной разработки № 4, кличка «Тарас», т. 1, л. 105–106; Судовий процес проти Богдана Сташинського // Московські вбивці, с. 137–138; Веденеев і Биструхін. *Двобій без компромісів*, с. 300–309; Санников Г. З. *Большая охота: Разгром вооруженного подполья в Западной Украине*. М.: Олма-Пресс, 2002, с. 16–18.

Глава 5

Улицы Мюнхена

Холодная война все сильнее грозила пожаром войны настоящей, и Сталин занялся реформой разведслужб. В ноябре 1952 года он высказал такие замечания по организации новой службы: «Главный наш враг – Америка. Но основной упор надо делать не собственно на Америку. Первая база, где нужно иметь своих людей – Западная Германия». Советскому вождю нужны были агенты, готовые исполнить любой приказ. Поэтому он добавил: «Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец»³⁴.

Сташинского, который поступил в школу внешней разведки осенью 1952 года, и вправду натаскивали сделать все, что пришлось бы в голову начальству. Работать ему предстояло в Западной Германии – на главном театре намеченной в Кремле тайной войны. Два года учебы в Киеве студент овладевал навыками шпионажа: от фотографии до борьбы, стрельбы и умения засечь слежку и оторваться от нее. Он брал индивидуальные уроки немецкого и польского, штудировал вездесущую историю ВКП(б), теперь переименованной в КПСС. В марте 1953 года Сталин умер. Летом 1954 года Богдан наконец-то был готов к путешествию на Запад. Теперь он служил уже в Комитете государственной безопасности, сформированном вместо министерства в марте 1954 года³⁵.

Новое имя службе дали после чистки кадров. Смерть вождя привела к тому, что Хрущев – теперь уже руководитель не КПУ, а всей КПСС, – убрал Лаврентия Берия, бывшего наркома внутренних дел и правую руку Сталина. Хрущев и союзники велели схватить Берия в июне 1953 года, а в декабре он был расстрелян. Взяли и его помощников, в том числе Судоплатова, которому пришлось пятнадцать лет томиться в тюрьме. Генерал-убийца остался не у дел, зато Хрущев, новое первое лицо в государстве, понукал молодых офицеров госбезопасности ревностнее выслеживать Степана Бандеру. Пришла очередь и Сташинскому включиться в долгую разработку украинских эмигрантов в Центральной Европе.

До Германии он добирался через Польшу. Машина с новоиспеченным секретным агентом пересекла советскую границу к западу от Львова. Предупрежденные командованием пограничники оставили границу без замка почти на час. Они подняли шлагбаум и не проверяли транспорт по обе стороны разграничительной линии, пока Сташинский и его куратор не выехали в Польшу. Их путь лежал на северо-запад – к бывшему немецкому Штеттину (теперь Щецину) в Померании, разделенной не так давно между Польшей и ГДР. Остановку сделали в Старгарде – средневековом городке, центр которого полностью разрушила союзная авиация в заключительные годы войны. Немцев оттуда выгнали и вместо них заселили поляков, а также украинцев, депортированных с приграничных юго-восточных территорий, – таким образом польские власти лишали УПА опоры в массах.

В Старгарде Богдан надел очередную маску. В Киеве он жил под фамилией Мороз, теперь же стал Брониславом Качором. Его прикомандировали к офицеру польских спецслужб. Вместе с ним «Качор» пять месяцев заучивал вымышленную биографию Йозефа Леманна – человека, которым ему предстояло обернуться в Германии. Леманн якобы родился на востоке Польши в немецко-польской семье 4 ноября 1930 года (Сташинскому оставили его день рождения, составив при этом на год) и был персонажем непростой судьбы, до переезда в Восточную Германию жил в Польше и на Украине. Потому и говорил по-немецки с акцентом.

³⁴ Леонид Шебаршин. *Рука Москвы: Записки начальника советской разведки*. М., 1996, с. 150–152.

³⁵ Письмо и. о. председателя КГБ при СМ УССР Слоня начальнику ПГУ КГБ при СМ СССР Панюшкину от 31 марта 1954 г. // Дело оперативной разработки № 4, кличка «Тарас», т. 4, л. 222–227.

Начинающий шпион даже посетил несколько польских городов, якобы хорошо знакомых Леманну. Когда он вызубрил свою очередную биографию, куратор отвез его на новую польско-германскую границу. Ночью они пересекли Одер пешком по мосту. Сташинский сдал документы на имя Бронислава Качора и превратился в Леманна.

Там же на границе он встретил нового куратора – старшего лейтенанта Сергея Александровича Деймона. Во всяком случае, так его представили подопечному. Хотя офицеру было порядком за сорок, лицо его, благодаря курносому носу и приятной, обезоруживающей улыбке, казалось молодым. За этой внешностью скрывался закаленный в боях оперативник. Алексей Деймон (так его звали на самом деле) успел повоевать с УПА, а теперь, уже в звании майора, возглавлял отдел 6-го управления КГБ в Восточной Германии, ответственный за работу среди эмигрантов – то есть против украинских националистов.

Деймон, украинец из восточной части республики, одинаково хорошо говорил по-украински и по-русски. Он был женат, но детей не имел. В НКВД его завербовали в 1939 году, когда он работал инженером на донбасской шахте, и поручили бороться с экономическим саботажем. К ноябрю 1940 года он записал на свой счет арест по меньшей мере одного «вредителя». Во время войны Деймон руководил под Сталинградом подготовкой диверсантов-одиночек и диверсионных групп. Из борца с «внутренним врагом» он стал специалистом по разведке, сам принял участие в нескольких вылазках за линию фронта, в одной из них повредив обе ноги, и получил медаль «За отвагу». Деймон всей душой ненавидел нацистов – весной 1942 года они застрелили его мать, не покинувшую оккупированную территорию. После войны он служил в МГБ СССР, сначала в Киеве, а затем в Чехословакии, куда его направили отслеживать командиров и бойцов УПА.

Деймона награждали и повышали в звании за участие в борьбе с бандеровцами, а также их соперниками среди украинских националистов. Он получил и чехословацкую медаль за храбрость, и советское наградное оружие. Начальство видело в нем расторопного и смекалистого офицера, хорошо осведомленного о подпольной украинского национализма. Деймон не раз успешно засылал агентов в круги эмигрантов. В сентябре 1954 года его перевели в Берлин и поставили во главе украинского отдела управления, занятого, само собой, не СССР. «Леманн» был первым агентом, которого Деймону поручили самому подготовить и курировать. С этого дня они работали вместе. Деймон – для Сташинского «Сергей» – стал его новым наставником и командиром³⁶.

От польской границы Богдана отвезли на советскую базу в Восточном Берлине. Юноша впервые попал в Карлсхорст (деревню Карловку, как называли ее русские) – недоступный простым смертным участок в пригороде Берлина, где располагался штаб оккупационной администрации и ее спецслужб: КГБ и ГРУ (военной разведки). Два с половиной квадратных километра территории окружал трехметровый забор под охраной подразделения КГБ. Военные и гражданские чины не только работали, но и жили в Карлсхорсте. Кое-кто из первых лиц ГДР тоже: охраняемая зона казалась им куда более безопасной для их семей, чем соседние районы.

В 1954 году Берлин был не только передним краем холодной войны, но и единственной в Европе прорехой в железном занавесе. Формально город оставался оккупирован четырьмя державами антигитлеровской коалиции – СССР, США, Великобританией и Францией, – но настоящая граница проходила между западной и советской зонами оккупации (пока еще без колючей проволоки и бетонной стены). Анклав в центре ГДР был связан с Западной Германией шоссе, по которому Лубянка засылала для выполнения заданий в странах НАТО сотни агентов в погонах и в штатском. На базу в Восточном Берлине опирался советский шпионаж в Америке

³⁶ Судовий процес проти Богдана Сташинського // Московські вбивці, с. 138–141; Личное дело № 301: Майор Деймон Алексей Филимонович, Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины, ф. 12, д. 17587; Веденеев і Биструхін. Двобій без компромісів, с. 504 (вклейка); Олексій Деймон. В окупованому Києві // З архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ: Науковий і документальний журнал. 2000, № 1, с. 239–249; Санников. Большая охота, с. 18.

и других частях света. Оттуда легко было доехать в аэропорт Темпельхоф в западной части города и вылететь в любую точку земного шара.

Этой прорехой пользовалась и другая сторона. Из Западного Берлина так же легко пробирались на восток. Тысячи штатных и внештатных сотрудников западных спецслужб попадали в ГДР и следили за советскими оккупационными войсками, армией и промышленностью ГДР.

Можно было без труда попасть из Западного Берлина в Восточный и обратно, как, скажем, с Хаммерсмит на Пикадилли. На главных улицах были контрольно-пропускные пункты, не мешавшие, впрочем, передвижению людей в обоих направлениях. В метро никакой проверки вообще не было. Все это делало Берлин идеальным центром разведывательной деятельности, и представлявшиеся здесь возможности использовались по максимуму.

Так писал в мемуарах Джордж Блейк, британский двойной агент и ценнейшее приобретение Кремля. И далее: «Создавалось впечатление, что по крайней мере каждый второй взрослый берлинец работал на ту или иную разведку, а то и на несколько сразу»³⁷.

Сташинский провел в Карлсхорсте около месяца, прежде чем ему позволили обосноваться в городе. Немецкий, которому его научили в Киеве, оказался недостаточным для жизни в одиночку – Богдан читал, но едва понимал немцев на слух. На Рождество 1954 года он снял номер в гостинице в Восточном Берлине. Нерадостный, видно, был праздник для сельского парня в чужой стране, где вокруг говорили на чужом языке. Семья его была далеко – да что там, семью он потерял. Его приемная семья, КГБ, ушла в краткосрочный отпуск.

Первые месяцы 1955 года Сташинский посвятил изучению немецкого языка и образа жизни. К апрелю его куратор Деймон поверил, что подопечный готов носить свою новую маску. Молодого человека послали в Цвиккау работать на совместном советско-восточногерманском предприятии. Планировалось, что он будет административным служащим, но знания языка «Леманну» все еще не хватало, поэтому пришлось идти в рабочие. Деймон не смог бы подтянуть его – он сам едва говорил по-немецки. Майор брал уроки в Карлсхорсте, но преподавателя никак не радовала его успеваемость – в докладах наверх значится, что Деймон проявил себя плохим учеником. Он читал по-немецки, но не схватывал правила грамматики, а поддержать разговор был просто неспособен. После трех семестров Деймон бросил немецкий.

Сташинский не мог позволить себе такую роскошь. Он должен был добиться результата – и добился³⁸. Теперь Леманн становился реальным человеком – настоящая работа, настоящие документы с настоящими печатями. Летом 1955 года КГБ наградил Сташинского за упорный труд отпуском на Черном море. Осенью он вернулся в Восточный Берлин и снял комнату, представляясь Йозефом Леманном, сотрудником Министерства внешней и межгерманской торговли ГДР. Теперь ему следовало получить узнать Западную Германию, главным образом Мюнхен – резиденцию Бандеры и других вождей украинского национализма.

В начале 1956 года Деймон послал его туда на встречу с агентом КГБ под псевдонимом Надийчин (от украинского «надія» – «надежда»). На самом деле того звали Иван Бысага. Родился он в 1919 году в крестьянской семье в Закарпатье, которое как раз вошло в состав Чехословакии (в СССР – лишь в 1945 году). После войны Бысага проходил обучение шпионскому делу в Киеве, а в 1953 году всплыл в Австрии под личиной беженца. На следующий год – как раз тогда, когда Сташинский в Польше входил в образ Леманна, – он переехал в Мюнхен. Там он пытался связаться с бандеровцами, но тщетно – его подозревали в работе на КГБ, как и любого, кто покинул Украину после 1945 года. А вот доверие соперников Бандеры он сумел

³⁷ Блейк Дж. *Ничего выбора нет* / Пер. с англ. М. Г. Каминарской, М. Ю. Корнеева. М.: Международные отношения, 1991. С. 182.

³⁸ David E. Murphy, Sergei A. Kondrashev, and George Bailey. *Battleground Berlin: CIA vs. KGB in the Cold War*. New Haven, CT, 1997, p. 256–259; George Blake. *No Other Choice: An Autobiography*. New York, 1991, p. 166–167.

завоевать. Они группировались вокруг газеты «Украинский самостийник», издаваемой Львом Ребетом, юристом, журналистом и политиком³⁹.

Когда Сташинский впервые приехал в Мюнхен, Ребету было 44 года. Он жил в Мюнхене с супругой Дарьей – журналисткой, политически активной не меньше мужа, – и детьми, Андреем и Оксаной. Ребеты возглавили оппозиционное крыло в ОУН, получившее от бандеровцев ярлык марионеток ЦРУ. А вот Деймон, куратор Сташинского, полагал, что тексты главного редактора «Украинского самостийника», интеллектуального лидера украинского национализма, вредят международной репутации Кремля и удерживают эмигрантов от прекращения антисоветской деятельности и возвращения на родину.

Сташинскому поручили роль курьера между Карлсхорстом и Бысагой – статиста в разыгрываемой КГБ пьесе. Ее сюжетом было похищение Льва Ребета. В Восточном Берлине органы планировали склонить его к участию в антинаатовской пропаганде, как некоторых других «перебежчиков».

По приказу из Карлсхорста «Леманн» предложил Бысаге подсыпать Ребету в пищу химикат, который на время лишил бы его сознания, и вывезти. Бысага прямо не отказывал, но всячески избегал риска. Он убеждал Сташинского, что не настолько близок к объекту и задание для него окажется непосильным. Андрей Ребет позднее припомнил, как он заходил к отцу в редакцию с сестрой Оксаной (ему тогда было тринадцать, ей – четыре) и в каком восторге Бысага был от маленькой девочки. Возможно, Льва это немного смягчило, но Дарья, его волевая жена, все так же подозревала «беженца» – тому не суждено было стать другом их семьи⁴⁰.

В обязанности курьера входило не только снабдить Бысагу деньгами и переправить его рапорты в Карлсхорст. Следовало и поддержать его морально. С точки зрения КГБ у него плохо ладилось дело не только с Ребетом. Бысага явно расклеивался – ему повсюду мерещилась слежка бандеровцев, ЦРУ и контрразведки ФРГ. В итоге Сташинский помог ему уехать в Восточный Берлин. Как обычно в таких случаях, Лубянка не замедлила превратить тайного агента в пропагандиста. В советских газетах напечатали «покаянное письмо» Бысаги – он разоблачал подрывную деятельность верхушки украинской эмиграции против СССР⁴¹.

³⁹ Личное дело № 301: Майор Деймон Алексей Филимонович, ОГА СБУ.

⁴⁰ Дмитро Лиховій і Леся Шовкун. *Лев Ребет – демократ в ОУН і перша жертва КГБ* // Історична правда. 12 жовтня 2011.

⁴¹ Судовий процес проти Богдана Сташинського // Московські вбивці, с. 141–146; Андрій Ребет. *Лев і Дарія Ребет: мої батьки* (доповідь, виголошена 24 червня 1998 р. в УВУ в Мюнхені; машинопис), с. 13.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.